УДК 821.161.1.09«19»

«АРОМАТ СОЛНЦА» В СТИХОТВОРЕНИЯХ И. БУНИНА И К. БАЛЬМОНТА

© 2012 О.Н. Фенчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 декабря 2011 г.

Аннотация: *В статье рассмотрена проблема ольфакторной образности в поэзии И. Бунина и К. Бальмонта. На примере анализа стихотворений И. Бунина «Детство» и К. Бальмонта «Аромат солнца» выявлена синестетическая природа запахов в их лирике, отмечена связь памяти и ощущения. Рассмотренная проблема позволяет определить место и роль символа в творчестве Бунина.*

Ключевые слова: *память, ощущение, запах, образ, символ.*

Abstract: *The article considers the problem of olfactory imagery in the poetry of I. Bunin and K. Balmont. On the example of the analysis of the poems of I. Bunin «Childhood» and K. Balmont «Aroma of the sun» the nature of smells in their lyric poetry is revealed synesthetic, memory and sensation communication is noted. The considered problem allows to defining a place and symbol role in Bunin's creativity.*

Key words: *memory, sensation, smell, image, symbol.*

В современном литературоведении, в связи с увеличением интереса к антропологической проблематике, образы и мотивы художественной перцепции приобретают особую актуальность. Восприятие окружающего мира может быть как целостным, сформированным из совокупности ощущений, так и односторонним, основанным на реакции одного органа чувств. В ряду других телесных откликов на внешние раздражители обоняние занимает особое место. Зрение, слух и обоняние – дистантные ощущения (отражают качества объектов, находящихся на некотором расстоянии от органов чувств), однако обоняние является наиболее интимным из указанных процессов отражения отдельных свойств, признаков предметов и явлений окружающего мира, т. к. в большинстве случаев ощущение запаха возможно только на небольшом расстоянии от его распространителя. Кроме того, запахи не отличаются стойкостью, о чем свидетельствует отсутствие в языке особых слов для их обозначения. Обонятельные ощущения зачастую не абстрагированы от предмета, который их вызывает, привязаны к источнику: «запах яблок», «аромат роз», «благовоние ладана».

Поэзия Серебряного века обнаружила новые художественные возможности реализации безграничного мира запахов. Исследователь одорической образности Н.А. Рогачёва считает, что «человек эпохи модернизма неожиданно открыл в себе способность принюхиваться к реальности и признал за этой способностью непреложную ценность» [4, 5]. Образный язык запаха занимает важное место в поэтике Серебряного века и в художественной практике отдельных авторов. Запахи, как результат индивидуального восприятия, с их едва уловимой, неопределённой и непостоянной сущностью, зачастую носят предельно субъективный характер. Известно, что запахи закрепляются в памяти неосознанно: «Запах действует, как музыка: он обращается к подсознательному, вызывает в нашем воображении мечты и воспоминания вопреки желаниям нашего рассудочного «я», обладает необыкновенной силой внушения» [1, 92]. Порой характерный запах, который впервые был зафиксирован в памяти в связи с конкретным человеком или ситуацией, может возродить забытые эпизоды прошлого. По мнению Н.А. Рогачёвой, «для оглохшего от «шума времени» и онемевшего художника запахи порой остаются последним прибежищем памяти...» [4, 6].

Одним из самых неоднозначных и самых знаменитых образов поэзии Серебряного века стал «аромат солнца» К. Бальмонта. Поэт смело использует неожиданную метафору, которая становится средством преображения реальности в символ. Импрессионистское восприятие действительности в стихотворении «Аромат солнца» выражается в отсутствии конкретных описаний. В произведении отсутствует детальность изображения, поэт рисует некие абстрактные картины природы, воплощённые в зрительных, акустических и обонятельных ощущениях, выражающих в совокупности «аромат солнца»:

© О.Н. Фенчук, 2012

В Солнце звуки и мечты,
Ароматы и цветы
Все слились в согласный хор,
Все сплелись в один узор [2, 118].

Запахи сосны и ландыша выделены из общего ряда ощущений, они представлены в привязке к конкретным объектам действительности: «смолистой сосне», «пьяным ландышам», указывающим на время, изображённое в стихотворении, – конец весны (пора цветения ландышей и появления шишек на сосне). «Аромат солнца» предстаёт в сплетении различных ощущений и представляет собой синестетический образ: запах воспринимается в визуально-акустических модусах. По словам Рогачёвой, «в поэзии Бальмонта встречается редкий для русской лирики случай наделения признаком запаха объекта, который этим признаком не обладает, – «аромат солнца» [5, 23].

По-своему выражает «аромат солнца» И. Бунин в стихотворении «Детство». Тогда как в лирике Бальмонта, по мнению Рогачёвой, «и запах, и субъект его восприятия <...> объединены свойством текучести, постоянной изменчивости, длительности – то есть комплексом качеств, которые присущи и живому, становящемуся организму» [4, 149], то в стихотворении Бунина запах является неким устойчивым ощущением, испытываемым лирическим героем. Последние строки стихотворения уточняют первые, смещая акцент с температурно-осязательных ощущений на обоняние, указывают на субъективность восприятия запаха: «Чем жарче день, тем сладостней в бору / Дышать сухим смолистым ароматом» и «И кажется, что пахнет не сосна, / А зной и сухость солнечного света» [3, 63]. Сюжет стихотворения строится как воспоминание о детстве. Лейтмотив стихотворения – детские ощущения, а сухой запах сосны становится синестетическим выражением солнечного света. Синестезия обонятельных и визуальных ощущений лирического героя бунинского стихотворения носит естественный характер и представляет очевидную закономерность толкования солнечного света как запаха. Перенос «невидимого» обонятельного ощущения на «невидимое» зрительное ощущение в стихотворении Бунина более органичен, чем соощущение «аромата солнца» в различных телесных откликах и чувствах в стихотворении Бальмонта.

Обоняние в произведении Бунина связывается с чувством возраста лирического героя. Запах хвойного леса, прогретого жгучим летним солнцем, является ощущением, предвосхищающим чувства и эмоции, пережитые в детстве, именно это позволяет лирическому герою окунуться в атмосферу прошлого и представить себя десятилетним ребёнком:

Песок – как шелк!.. Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжелый, величавый.
Кора груба, морщиниста, красна [3, 63].

Необходимо отметить, что чувство возраста связано с тактильными ощущениями «шелковистости песка», «грубости и морщинистости сосновой коры» и строится на символической антитезе нежной «шелковистой кожи» ребёнка и «морщинистой, грубой» кожи согбенного («корявого») старика. Заложив в ощущения детства подтекст возрастных проявлений человеческого облика, поэт достигает эффекта подлинности описываемой ситуации, естественности детских впечатлений. Описание строится на соединении осязательных ощущений ребёнка: «Песок – как шелк!», «Кора груба, морщиниста» и визуальных образов объективированной реальности: «Повсюду блеск, повсюду яркий свет», «А ствол – гигант, тяжелый, величавый» [3, 63]. А вот запах – звено, соединяющее прошлое с настоящим: «Чем жарче день, тем сладостней в бору / Дышать сухим смолистым ароматом» [3, 63], т. е. зачин стихотворения относится к прошлому, но можно предположить, что лирический герой, оказавшись летним днём в лесу, почуяв сухой запах сосны, вспомнил свои детские ощущения. Стихотворение Бунина – запечатлённое в памяти мгновение жизни, представленное как совокупность человеческих ощущений, где запах – символ детства лирического героя.

В отличие от стихотворения Бальмонта, в стихотворении Бунина не упоминаются акустические ощущения. Впрочем, это имеет простое объяснение: в жаркий, безветренный день в лесу очень тихо, ступая по песку, тишину не нарушишь. Реалистичность описания строится на хорошем знании особенностей жизни хвойного леса, вплоть до структурного характера почвы (песок) и конкретности чувственных образов. Однако мнение, будто поэт описывает какие-то конкретные пейзажи – ошибочно. Бунин преображает свои чувства, своё восприятие реальности, свои представления в лирический сюжет стихотворения. Поэт не пытается переделать реальный мир, сознательно трансформировать его восприятие, он именно преображает его, выделяя самые поэтичные и значимые черты, но делает это предельно осторожно: щепетильно отыскивая детали, тщательно подбирая слова.

«Запах солнца» в стихотворении К. Бальмонта – некая метафизическая сущность, «внятная» только поэтам и детям, птицам и цветам. Восприятие запаха, сфокусировавшего в себе проявления тактильных, акустических, зрительных и вкусовых ощущений, продиктовано предвкушением новых впечатлений, желанием передать знаковую сущ-

ность, экстатически переживаемой действительности. В процессе лирического повествования происходит развеществление художественного воплощения запаха, его субъективация. Все впечатления лирического героя являются плодом его личного восприятия, отражающим индивидуальное и небеспристрастное отношение к окружающему миру. Справедливо отметил В. Ходасевич: «Символист – создатель своего пейзажа, который расположен панорамой вокруг него» [6, 184]. Попытка обобщить в «аромате солнца» кроме телесных чувств проявления и отклики сознания: мечту и смех (не звук, а эмоциональное состояние), является подтверждением мысли о предельной субъективности восприятия реальности Бальмонтом («В Солнце звуки и мечты», «Дышит смехом юных лиц» [2, 118]). Кроме того «аромат солнца», воплощённый в мечту, устремляет взгляд лирического героя в будущее, зовёт в иную реальность, позволяя «узреть райские врата».

«Аромат солнца» – символ, заключающий в себе типологические признаки образного претворения реальности, он вобрал в себя весь спектр человеческих ощущений. «Общей для лирики раннего символизма тенденции к абстрагированию состояний «я» и мира соответствует аромат без атрибуции – представление о запахе не как признаке предметного образа, а как о явлении, наделённом собственным бытием. Поэтому ароматы могут включаться в ряды однородных членов с лексикой конкретного и абстрактного значения: «ароматы и цветы» («Аромат солнца»), в «Фейных сказках»: «Если ей дарит лилея // много снов и аромата»; сочетаться с лексикой эмоционального содержания: «восторг аромата» («Успокоение»), «счастье аромата»; выступать как носитель свойства: «дыханье аромата» («Цветок»), «свежесть аромата» («Мститель»). В этом отношении лирика Бальмонта более близка романтической традиции, чем своим непосредственным предшественникам – любимым А. Фету, К. Случевскому или К. Фофанову, где принципиально значимо различие и неповторимость впечатлений» [4, 154 155]. Если исходить из этой позиции, то стихотворение Бунина ближе классической традиции, где запах – признак определённых объектов, являющихся их носителями (запах сосны, смолистый аромат).

Что касается идейного содержания рассмотренных стихотворений, то можно заключить, что оба поэта призывают нас оставаться детьми: только открытый, по-детски наивный и чистый взгляд на мир позволяет видеть обыденные предметы в новом свете. Однако Бунин – выразитель достоверного ощущения, мимолётного, конкретного чувства, настроения. Бальмонт же охватывает чувством весь мир, соединяет то общее различных областей жизни, что можно охарактеризовать как некое единство, но выражает это в высшей степени субъективно:

Солнце светит звонами,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,
Дышит смехом юных лиц [2, 118].

Бальмонт, как представитель символизма, пытался найти и объяснить таинственное, лежащее в основе вещей и выразить это таинственное эстетическими средствами изображения, что в некой мере реализовано и в лирике Бунина. Сенсорно-перцептивные проявления воспоминаний в поэзии Бунина – это не только безукоризненные визуальные наблюдения, тщательно выверенные акустические ассоциации, но и ёмкие обонятельные впечатления. Стоит отметить, что грань между личным и культурным аспектами одорической образности так же подвижна и неустойчива, как сам запах. Ольфакторные образы в поэзии Бунина – это и субъективные впечатления лирического героя, и встроенные в сферу культурной памяти символы. Тем не менее Бунина, использующего символы в своем творчестве, нельзя считать поэтом-символистом: он художник реалистического направления, а символы для него лишь одно из средств художественной выразительности, средство «сгущения» содержания, придающее его произведениям особый колорит.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белецкий А.И. В мастерской художника слова / А.И. Белецкий. – М. : Высшая школа, 1989. – 160 с.

2. Бальмонт К.Д. Лирика / К.Д. Бальмонт – Минск : Харвест, 2002. – 479 с.

3. Бунин И.А. Несрочная весна / И.А. Бунин – М. : Школа-Пресс, 1994. – 544 с.

4. Рогачёва Н.А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики: монография / Н.А. Рогачёва. – Тюмень : ТГУ, 2010. – 404 с.

5. Рогачёва Н.А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Н.А. Рогачёва – Екатеринбург, 2011. – 48 с.

6. Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина / В.Ф. Ходасевич // Собр. соч.: В 4 х т. – М. : Согласие, 1996. – Т. 2 – С. 181 188.

Фенчук О.Н.
Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры теории литературы и фольклора
E-mail: olnof@yandex.ru

Fenchuk O.N.
Voronezh State University. Post-graduate student of the Chair of the theory of the literature and folklore